

Влас Михайлович Дорошевич

Портрет Мунэ-Сюлли

Влас Михайлович Дорошевич

Портрет Мунэ-Сюлли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=651475

Аннотация

«Отелло подписывает бумаги. Дездемона с веранды бросает в него розой. Роза рассыпается, и лепестки ее обсыпают стол, мавра, его живописный костюм. Отелло ловит и прижимает к губам лепестки розы...»

Содержание

4

Влас Михайлович Дорошевич Портрет Мунэ-Сюлли¹

* * *

Отелло подписывает бумаги.

Дездемона с веранды бросает в него розой.

Роза рассыпается, и лепестки ее обсыпают стол, мавра, его живописный костюм.

Отелло ловит и прижимает к губам лепестки розы.

Смеющаяся, с золотистыми волосами, венецианка и мавр, обсыпанный розовыми лепестками.

Вы оглядываетесь на публику.

– Как хорошо! – говорят одни глазами.

Другие не могут удержаться от иронической улыбки.

Париж, наверное, весь пришел в восторг.

Жюль Леметр нашел это «трогательным и чудесным».

Катулл Мендес написал об этом в своей рецензии стихотворение в прозе.

Арман Сильвестр находит, что это хорошо, как сама поэзия.

Ростан сказал, что на одну эту тему можно написать пьесу

в 5 актах в стихах.

Эта игра, проходящая между двумя влюбленными, кажется сентиментальной.

Росси, уводя Дездемону ночью в свой дом, кидал на нее взгляд, полный страсти.

И мы видели, какой безумной страстью пылает мавр к Дездемоне.

Сальвини улыбался Дездемоне и гладил ее по щеке, как ребенка.

И мы видели, как верит этому ребенку стареющий Отелло. Мунэ-Сюлли перебрасывается с Дездемоной цветами, как пастушки на сентиментальной картинке.

Если там было много чувства, – здесь много чувствительности.

В минуту подозрений и гнева, Отелло попадает под руки гирлянда, которую сплела Дездемона, – и он топчет белые цветы.

Опять-таки Париж, наверное, пришел от этого в восторг, а нам вспоминается Лже-Димитрий² трагедии Сумарокова, пронзающий Ксению кинжалом и говорящий при этом:

– «Увяньте, розы!»

И мы не можем удержаться от улыбки.

– Какой трагический пафос! – изумляется парижская пуб-

² ...*Лже-Димитрий трагедии Сумарокова...* – Сумароков Александр Петрович (1717—1777) – русский поэт, драматург, автор трагедии «Дмитрий Самозванец» (1771).

лика, слушая «львиные рыканья» этого царственного трагика.

А мы переводим это «на русский»:

– Актер, который стал бы говорить вместо «смерть» – «смэ-э-эртъ», вместо «кровь» – «кро-о-а-овъ», вместо «мщение» – «мщэ-э-эние». Это прозвучало бы странно и неприятно.

Когда нужна истинная страсть, – крик и поза. Чувство, выродившееся в сентиментальность.

Может ли это производить впечатление?

Как, на кого.

Я впервые услышал имя Мунэ-Сюлли лет десять тому назад на международной... тюремной выставке в Петербурге.³

Я осматривал жесточайший из отделов – бельгийский. И ужаснейший из его уголков – работы приговоренных к пожизненному одиночному заключению.

Работы, которые свидетельствовали о безумной тоске.

Ваза, которую заключенный несколько лет лепил из мякиша хлеба. Постамент для столовых часов, сделанный из косточек, попадавшихся в супе. Постамент поражал своей симметрией. Надо было ждать годы, чтобы попались две одинаковые косточки. Эти предметы – казались призраками, явившимися из живых могил.

³ ...десять лет тому назад на международной... тюремной выставке в Петербурге. – Выставка была приурочена к 3-му Международному конгрессу криминалистов, состоявшемуся в Петербурге в 1890 г.

И среди этих страшных вещей я увидел большой, рисованный углем портрет.

Странное лицо. Оно могло бы быть лицом только Гамлета.

– Да, это портрет Мунэ-Сюлли в роли Гамлета, – подтвердил делегат бельгийского отдела, – его рисовал один художник, приговоренный в Брюсселе к пожизненному одиночному заключению за убийство любовницы. Осужденные имеют право брать с собой предметы, которые им особенно дороги. Обыкновенно, это портреты матери, отца, детей. Этот художник пожелал взять с собой портрет Мунэ-Сюлли в роли Гамлета.

– Он родственник Мунэ-Сюлли?

– Даже незнаком. Не видал его иначе, как на сцене. Он сказал: «Моя жизнь сложилась так тяжело. Лучшими минутами ее были те, когда я видел Мунэ-Сюлли в „Гамлете“.» У себя в одиночестве он занимается тем, что без конца перерисовывает этот портрет в увеличенном виде, – и, как видите, дошел в этом до большого совершенства.

Артист, портрет которого люди уносят с собою в могилу!

С тех пор видеть Мунэ-Сюлли стало моей мечтой.

И когда я в первый раз входил в и Comédie Française смотреть Мунэ-Сюлли в роли Гамлета, – я волновался, словно входил в храм, где сейчас увижу божество.

Я видел много раз Мунэ-Сюлли во многих ролях.

И если б мне нужно было уносить воспоминание о нем в могилу, – я унес бы воспоминание как о великолепной кар-

тине, как о живой статуе, как о лучшем балете, который я видел в свою жизнь.

Какое чудное проявление французского гения, который делает красивым все, до чего он коснется.

Сколько бессилия в этом крике, когда нужна страсть, какая дряблость в этой сентиментальности, заменяющей чувство.

Мне кажется, что я вижу истинного художника великого вырождающегося народа, способного на красивую позу, красивое слово, бессильного в области чувства, неспособного на истинные страсти.

Вся внешность глубокой и могучей трагедии. Но среди этой красоты, позы и львиного рыканья, – призрак вырождения, неспособного на истинно сильное, глубокое, могучее.

Ведь вырождение прежде всего сказывается на искусстве, как прогрессивный паралич прежде всего обрушивается на мозг.